

---

УДК 94(470)"1941/1945"

**ПРОПАГАНДА В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ  
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ  
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**И.С. Тряхов<sup>1</sup>**

*ФГБОУ ВПО Владимирский государственный университет  
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия*

В статье дается характеристика пропагандистской деятельности периодической печати в годы Великой Отечественной войны. В исследовании автор акцентирует внимание на недостатках пропагандистской деятельности и гибкости, которую проявляла советская пропагандистская машина в годы военного лихолетья. С помощью примеров из центральных и местных газет автор разбирает просчеты пропаганды и приходит к выводу, что в 1941–1943 гг. пресса действительно совершала немало грубых пропагандистских ошибок, однако ближе к концу войны недостатки пропаганды проявлялись все меньше.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война, пропаганда, Совинформбюро, массовое сознание

**Введение.** Пропаганда в рядах войск имела колоссальное значение во все времена, с каждым столетием ее роль все более усиливалась. Однако XX век со своими мировыми войнами и множеством менее крупных военных конфликтов показал, что не меньшую, а иной раз и даже большую роль играет пропаганда в тылу среди гражданского населения. Развитие вооружений и средств коммуникации способствовало превращению войн из противоборства в военной области в противоборство тотальное, в котором прямо или косвенно вынуждено принимать участие мирное население. В годы Великой Отечественной войны это проявилось наиболее полно, хотя бы уже потому, что события 1941–1945 гг. так или иначе затронули каждого гражданина Советского Союза.

В статье ставится цель на материалах периодических изданий Владимирской области и в тесной связи с информационно-пропагандистской по-

---

<sup>1</sup> *Корреспондирующий автор:* Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего профессионального образования Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, кафедра истории России; ул. Горького, 87, Владимир, 600014, Россия; Тел.: +7 (4922) 33-86-32; E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru.

литикой СССР в годы Великой Отечественной войны представить объективный взгляд на состояние местной периодической печати в военный период.

Источниками для исследования послужили выступление начальника Главпура РККА Л.З. Мехлиса, официальные письма начальника Управления пропаганды и агитации Г.Ф. Александрова начальнику Совинформбюро А.С. Щербакову, сообщения Совинформбюро, материалы периодической печати (центральной и местной, издававшейся во Владимирской области), письма на имя И.В. Сталина и в редакции центральных газет.

В статье применяются как общенаучные, так и конкретно-исторические методы исторического исследования. К последним относятся историко-генетический метод, реализуемый через выявление истоков и причин изменения агитационно-пропагандистской деятельности. Данный метод позволяет обобщать факты и исторические данные и воссоздавать общую картину пропагандистской работы. Также был использован историко-сравнительный метод, нацеленный на выделение в явлениях различного порядка признаков, их сравнение и сопоставление.

Проблема влияния пропаганды и эффективности занимает значимое место в современных исследованиях Великой Отечественной войны. К сожалению, в рамках конкретной статьи невозможно полностью обозреть работы по данной тематике, поэтому ограничимся лишь самыми значимыми с точки зрения рассматриваемой нами темы. Эволюции идеологических установок в годы войны посвящены работы А.С. Горлова [1], который отмечает, что «именно национально-патриотическое воспитание стало стержнем пропагандистских кампаний военных лет» [2, с. 195], а мотивы, связанные с социализмом, революцией и классовый борьбой, были приглушены. И.А. Токарев также указывает, что в процессе войны произошел переход от интернационалистских лозунгов к более «земному» понятию – «патриотизм» [3, с. 333]. Особого внимания заслуживают исследования А.И. Вдовина, посвященные идеологическим изменениям в годы войны и вводящего понятие «националистического нэпа» [4, 5, 6], а также М.Э. Никитиной, которая посвятила свою диссертацию идеологемам врага и героя и их внедрению в массовое сознание [7].

**Исследование проблемы.** Для начального периода войны в публикациях еще характерны обращения к старым интернационалистским лозунгам, хотя еще годом ранее начальник Главного управления идеологии РККА Л.З. Мехлис в своем выступлении, касающемся военной идеологии, отмечал: «Нужно прекратить неправильное освещение интернациональных задач Красной Армии и разъяснить личному составу, что наша главная и основная задача – это активная защита Советского Союза»<sup>2</sup>. Однако, как известно, и в армии, и среди мирного населения в начале войны многие считали, что немцы – «куль-

---

<sup>2</sup> Ложные установки в деле воспитания и пропаганды: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л.З. Мехлиса о военной идеологии. 1940 г. // Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 96.

турный народ» и что солидарность между рабочими разных национальностей преодолеет национальное противостояние [8, с. 75]. Это сыграло злую шутку в начале войны.

В годы войны взгляд на немецких солдат как на классовых союзников был постепенно, но достаточно быстро пересмотрен, превратившись в жесткий и, пожалуй, даже жестокий лозунг К. Симонова [7] и И. Эренбурга «Убей» [9], который во многом отражал настроения солдат и офицеров РККА, видевших нацистские зверства на оккупированной территории. Именно статьи и сообщения советских писателей и литераторов сыграли важную роль в пропаганде в годы войны. В газетах Владимирской области регулярно перепечатывались из центральных изданий сочинения видных советских писателей, таких, как А. Толстой<sup>3</sup>, И. Эренбург<sup>4</sup> и др. Как правило, их произведения основывались на исторических сюжетах патриотического характера или на текущих военных сюжетах.

Особое место в пропаганде занимала Отечественная война 1812 г. О.В. Будницкий отмечает: «Лозунг Отечественной войны и напоминания о славных боевых традициях русского народа прозвучали из уст советского руководства в первые же часы начавшейся войны. Народ призывали подняться на борьбу за родину, за честь, за свободу, что вполне рационально» [10, с. 159].

Сравнение двух Отечественных войн и анализ роли Владимирской земли в борьбе с Наполеоном активно проводилось в местной прессе на всем протяжении первой половины войны<sup>5</sup>. Однако патриотический образ войны 1812 г. оформился отнюдь не после 22 июня 1941 г., а раньше. Он стал пропагандироваться еще до начала Великой Отечественной войны, а в годы героической борьбы советских людей с фашизмом оформился окончательно, став одним из ведущих в советской печати тех лет<sup>6</sup>.

Стоит заметить, однако, что этот образ был в большой степени абстракцией, т.к. не имел и не мог иметь какого-либо живого свидетеля тех событий. Поэтому не является случайным, что преданные забвению вскоре после революции события русско-японской и Первой мировой войн стали понемногу возвращаться на страницы газет как еще один важный патриотический образ, используемый для мобилизации тружеников тыла.

Учитывая сильный централизм в принятии решений, касающихся пропаганды, мы вряд ли ошибемся, если предположим, что толчком могло стать письмо жителя Новосибирска В.Е. Маркевича И.В. Сталину от 22 мая 1942 г., в котором тот указывал: «В настоящее время мы стараемся поднять патриотизм масс историческими примерами героики русского народа, вспоминаем подвиги времен Александра Невского, Суворова, 1812 г. и т.п. Это хорошо.

---

<sup>3</sup> Вперед. 1942. 9 августа.

<sup>4</sup> Колхозная газета (Селивановский район). 1942. 16 октября.

<sup>5</sup> Пролетарий, 1941. 15 июля.

<sup>6</sup> Ударник. 1941. 3 октября; Призыв. 1942. 28 февраля.

Однако мне кажется, что вместо того, чтобы “откапывать” таких старинных покойников, было бы целесообразнее использовать в первую очередь живых героев, проливавших кровь за русскую землю и русский народ. Разве мало имеется в живых участников прошлой империалистической войны, колотивших немцев и в Пруссии, и в Австрии, получивших за это боевые награды, раны, увечья? А разве не найдутся инвалиды русско-японской войны, обороны Порт-Артура (это – не оборона Сингапура). Вероятно, окажется и несколько ветеранов более старых войн. Сыновья и внуки их сражаются сейчас против фашистов, а ветераны оставлены в тени, как будто не сделали ничего, заслуживающего внимания. Их как будто не надо замечать. Однако народ их видит, знает. Это охлаждает, размагничивает нашу смену – молодых бойцов...»<sup>7</sup>.

Еще незадолго до этого письма казалось невозможным восхваление подвигов ветеранов этих войн, однако теперь происходит если не коренной, то, по крайней мере, значительный поворот. В местных газетах появляются сообщения, касающиеся воспоминаний о Первой мировой войне<sup>8</sup>.

Особую роль в годы войны приобрел военный отдел Совинформбюро. Работа этого отдела неоднократно подвергалась критике. Так, в отчете о работе военного отдела за 1941–1943 гг. среди недостатков периодической печати отмечались такие, как шапкозакидательство и бахвальство. В качестве примера приводится статья из «Известий» о мотоциклетной гвардии (автор – Белик), в которой, в частности, писалось: «Советские мотоциклисты набрасываются на противника, рвут его на части, кромсают, давят... Немцы взяты в клещи, их начинают бить спереди, сзади, а потом и со всех сторон... Колонна списана в расход» [11, с. 260]. Попутно приводился совершенно необоснованный пример, когда взвод мотоциклистов якобы разгромил целый немецкий полк. Схожая статья встречалась и в других центральных газетах, например, в «Комсомольской правде» в заметке «Вещи и люди» отмечалось: «Легкие немецкие танки разлетаются, как ореховые скорлупки. Тихоходные самолеты губят под своими обломками немецких летчиков» [11, с. 260]. Абсурдность процитированных выше утверждений ничуть не смущала ни авторов, ни редакторов. Статья В. Кожевникова в «Правде» под названием «Два связиста» выглядит по сравнению с другими достаточно взвешенно, в ней лишь отрицалось какое-либо сопротивление немцев на Брянском направлении: «В нынешнем нашем великолепном наступлении немцы, судя по пейзажу, успевают уносить только свои ноги и то только в тех случаях, когда эти ноги не разбрасывает в стороны наша артиллерия» [11, с. 260].

Весьма характерной была критика газеты в частности, вышеупомянутой «Правды», со стороны рядовых читателей. Так, в редакцию уже 14 июля 1941 г. поступило письмо инвалида В. Казика, в котором тот критиковал ре-

<sup>7</sup> «Это то, что наболело, что просится наружу». Письма И.В. Сталину. 1941–1942 гг. // Исторический архив. 2005. № 2. С. 16.

<sup>8</sup> Пролетарий. 1941. 2 августа.

дакторов за размещение заведомо неправдоподобного материала. Он писал следующее: «Кстати, покритичней подходите к цифровому материалу в корреспонденциях и в терминологии. Пример: № за воскресенье, вчера 13.VII, на 2-й странице из Финляндии перебежчик сообщил, что дают перед боем «по 1 литру водки на солдата». Ведь это развесистая клюква. При плохом питании солдат и выпить еще 6 (шесть) стаканов водки?! И идти в бой?! (литр = шесть граненых стаканов), даже половинное количество свалит за-мертво! Это тоже, что перед боем съесть пять кило черного хлеба. Невозможно!»[11, с. 588–589].

Характерные примеры можно обнаружить и в газетах Владимирской области. Например, в 1941 г. в гороховецкой газете «Колхозная жизнь» опубликована заметка под названием «Охотник за кукушками», где шло повествование о красноармейце Масленникове и было написано следующее: «На днях, следя за кукушкой, Масленников столкнулся с тремя разведчиками. Не растерявшись, отважный боец тут же уложил двух белофиннов из автомата, а третьего сбил с ног прикладом.

В это момент белофинн, сидевший на дереве, дал очередь из автомата. Ни одна пуля не задела Масленникова, однако он моментально свалился на землю, как подкошенный, притворившись мертвым. Расчет оказался верным. Белофинн решил обокрасть “убитого”, спрыгнул с дерева и стал обшаривать карманы красноармейца. Этого Масленников только и ждал. Сильным ударом он опрокинул солдата-кукушку, выхватил у него финский нож и заставил белофинна сдаться»<sup>9</sup>.

Автору в принципе не кажется абсурдным, что красноармеец сумел притвориться мертвым, тем самым обманув финна. Также создатель этого сообщения, видимо, руководствовался благими намерениями и хотел показать хитрость и смекалку Масленникова, а на самом деле показал лишь глупость белофинна, тем самым принижая подвиг советского солдата, если таковой действительно имел место. Миф с финскими «кукушками» проник и в более поздние работы, посвященные войне на севере СССР. Особенно прославился этим в своих мемуарах нарком вооружения Б.В. Ванников [12, с. 134–135]. На поверку, как пишет А.В. Исаев, эти высказывания литературного записчика мемуаров знаменитого наркома не более чем миф [13, с. 106].

Шапкозакидательские сообщения вообще были для начального периода войны очень характерны. Вязниковский «Пролетарий» уже 10 июля 1941 г. сообщал, что лучшие части вермахта якобы уже разгромлены<sup>10</sup>, а 14 августа писал о том, как была разбита дивизия «мертвых голов»<sup>11</sup>. В реальности ни о каком разгроме этой дивизии в тот момент речи не было. До 80% своего кадрового состава она потеряет позже, зимой 1942 г., но после переформи-

<sup>9</sup> Колхозная жизнь. 1941. 3 сентября.

<sup>10</sup> Пролетарий. 1941. 10 июля.

<sup>11</sup> Пролетарий. 1941. 14 августа.

рования будет воевать почти до конца войны<sup>12</sup>. Газета «Голос труда» в августе на основании сообщения ТАСС, пытаясь воодушевить советских людей на скорое поражение Германии, фокусировала внимание на продовольственной проблеме как в вермахте, так и в самой Германии<sup>13</sup>, что можно считать простым преувеличением, характерным для прессы времен войны. На основании сообщения ТАСС о якобы имевшем место массовом заболевании цингой в Германии вследствие недостатка витаминов в пище вся советская пресса растиражировала и это<sup>14</sup>.

В камешковской газете «Знамя» спустя неделю после начала войны в заметке под заголовком «Рассказ немецкого солдата Альфреда Лискофа» сообщалось о яром нежелании немецких солдат воевать: «Палка офицера, угроза расстрела заставляет немецкого солдата воевать, но он не хочет этой войны, он жаждет мира, как жаждет этого мира весь германский народ»<sup>15</sup>. Как известно, теперь у немецкого солдата были совсем другие мотивы идти воевать против нашей страны. Возможно, есть некоторая доля правды, сказанная о германском народе, но лишь некоторая, так как многое зависело от социального слоя, а также возраста человека. В некоторых газетах, например, в судогодском «Ударнике», осенью 1941 г. печатали сообщения о беспорядках в некоторых землях Германии, в частности, в Эссене<sup>16</sup>.

Сообщения о плачевном положении в Германии продолжили печатать и в 1942 г. Так, в газете «Вперед» автор Юдин в статье «В тылу у Гитлера» утверждал: «За два с половиной года войны в Европе гитлеровцы подорвали германское хозяйство. Все имевшиеся в стране сырьевые запасы уже поглощены войной... Нет в Германии также и обуви, потому что нет кожи... Особо труден для Германии продовольственный вопрос... В стране значительно возросло количество случаев голодной смерти и самоубийств на почве голода... В Германии господствует уныние и упадок духа. Берлин похож на мертвый город. Население, подавленное тревожными слухами с фронтов, молчит...»<sup>17</sup>.

Из всего вышперечисленного нельзя, пожалуй, найти ничего достоверного, т.к. в описываемый период такого в гитлеровской Германии не наблюдалось. Юдин просто выдает желаемое за действительное, но самое главное – откровенно дезинформирует своих читателей. Нет сомнений, что делает это автор с благой целью – поднять боевой дух тружеников тыла, а если учитывать партийный контроль над прессой, то узнать обратную точку зрения о ситуации в Германии читатели не могли.

---

<sup>12</sup> «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды». Доклад начальника Главного политического управления РККА Л.З. Мехлиса о военной идеологии. 1940 г. // Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 96.

<sup>13</sup> Голос труда. 1941. 16 августа.

<sup>14</sup> Голос труда. 1941. 17 июля.

<sup>15</sup> Знамя. 1941. 30 июня.

<sup>16</sup> Ударник. 1941. 3 октября.

<sup>17</sup> Вперед. 1942. 14 января.

Преувеличение немецких потерь было особенно характерно для неудачного для нас начального периода войны. Например, по прошествии шести недель войны советские газеты утверждали, что Гитлер уже потерял «полтора миллиона своего войска»<sup>18</sup>. Нельзя обойти вниманием и официальное сообщение Совинформбюро на тему «Политические и военные итоги года Отечественной войны»<sup>19</sup>, отпечатанное во всех газетах. Самым важным в этом сообщении была публикация потерь Германии и СССР за год войны. Так, например, общие людские потери убитыми, ранеными и пленными нашей страны исчислялись в этом сообщении в 4,5 миллиона человек. Данные были явно заниженные, хотя на то могли иметься объективные причины, такие, как отсутствие достаточного количества достоверных источников, дающих возможность точно подсчитать их. Современные исследования приводят несколько иные сведения [12, с. 315].

Однако если в случае с советскими потерями опубликованная цифра с действительностью различалась не на порядок, то потери Германии, даже учитывая их союзников, были явно преувеличены. Следует отметить, что дискуссия о демографических потерях в войне не является законченной, что нашло свое место в отечественной историографии [14]. Цифра в 10 миллионов человек выглядит недостоверной. То же самое можно сказать и по соотношению потерь в технике.

В контексте этой проблемы следует обратиться к официальному сообщению Совинформбюро, разумеется, опубликованном во всех районных газетах края. 23 февраля 1943 г. немецкое информационное бюро сообщило: «Красная Армия, согласно официальным данным, потеряла 5 миллионов 400 тысяч солдат пленными. К этому следует добавить 12 миллионов 800 тысяч человек убитыми и ранеными. Таким образом, за 20 месяцев войны Красная Армия потеряла 18 миллионов 200 тысяч человек»<sup>20</sup>. Это сообщение немцев преподносилось советскими СМИ однозначно как «лживая выдумка немецко-фашистских мошенников». Однако, как часто это бывало, ведомство Геббельса в своем сообщении мешало правду с полуправдой и откровенной ложью. Так, согласно последним исследованиям как отечественных, так и немецких историков, количество советских военнослужащих, попавших в немецкий плен, составило 4 миллиона 459 тысяч [12, с. 41] и 5 миллионов 734 тысячи 528 человек [15, с. 18] соответственно<sup>21</sup>.

<sup>18</sup> Ударник. 1941. 20 августа.

<sup>19</sup> Призыв. 1942. 24 июня.

<sup>20</sup> Большевик. 1943. 28 февраля.

<sup>21</sup> Кроме того, пропало без вести (по пути в воинские части) военнообязанных, призванных по мобилизации, но еще не зачисленных в списки войск – 500 тысяч человек. Таким образом, максимальным числом пленных согласно данным отечественных исследователей возможно назвать цифру в 5 559 000 человек, что не сильно расходится с цифрой как немецкого историка К. Штрайта, так и с числом, названным министерством пропаганды Й. Геббельса. Штрайт приводит общее число пленных по итогам войны, однако если учитывать, что подавляющее большинство военнослужащих РККА попали в немецкий плен

С другой стороны, если сравнивать приведенную немецкими СМИ цифру с современными исследованиями, то к началу 1943 г. в немецком плену должно было быть приблизительно 4 494 831 военнослужащих РККА, что почти на целый миллион меньше [12, с. 60]. Что же касается потерь убитыми и ранеными, то тут налицо определенная подтасовка. Из 13 миллионов потерь военного состава не ясно, сколько среди них погибших, а, сколько раненных, ведь вполне закономерно, что значительная часть последних после излечения возвращалась в строй. По ходу войны потери противника за определенные периоды публиковались в советских газетах, и те цифры, которые мы можем там обнаружить, выглядели уже более реалистичными. Например, официальные данные по итогам летней кампании Красной Армии 1943 г. (с 5 июля по 5 ноября) выглядели так: вермахт потерял убитыми 900 тыс. человек, а общие потери составили 2,7 млн человек<sup>22</sup>. Эти данные также были преувеличены, особенно если их относить исключительно к войскам гитлеровской Германии. Но они уже были не настолько далеки от истины и выглядели ближе к реальности, чем данные, публиковавшиеся в первый год войны. Советские СМИ нередко делали правильные выводы из своих ошибок.

Среди других ошибок выделялось также неправильное изображение врага. В таких случаях журналисты могли недооценивать собственные войска. В письме А.С. Щербакову Г.Ф. Александров писал: «...В период июльского наступления немцев на Орловском-Курском и Белгородском направлениях редакции газеты “Комсомольская правда” запроектировала очерк Жукова “Сражение”. Автор в сгущенных красках описывал удары немцев: “В воздухе стоит грохот страшной силы, оупляющий мозг, иссушающий душу... Немцы наносят невероятные по силе и ярости удары. Все, что находится в пределах этой черты, разрушено, исковеркано, взорвано, несколько раз перекопано. Трудно поверить, как в таком аду может сохраниться что-либо живое... Им удастся сделать шаг вперед только тогда, когда перед ними не остается ни одного бойца, пальцы сохраняют силу для того, чтобы нажать спуск оружия... Немцы вели огонь по нашим танкам и артиллерийским позициям, пользуясь отличной дальностью оружия”» [11, с. 250]. Получается, что не мы изматывали и обескровливали врага, а он сметал своим огнем наши войска.

Бывали и такие корреспонденции, в которых совершенно необоснованно делались выводы о полном разложении немецкой армии. Так, например, в газете «Известия» появилась корреспонденция Л. Славина «В фрицатнике», в которой автор на основании беседы с восемью военнопленными сделал вывод, что будто бы немецко-фашистская армия в целом уже не пред-

---

в 1941–1942 гг., то следует признать, что данные приведенные немецким информационным бюро, в целом достоверные.

<sup>22</sup> Призыв. 1943. 6 ноября.



ставляет собой грозной силы, она настолько разноплеменна, что в скором времени «расползется по швам» [11, с. 260].

Авторы, на статьи которых обращал внимание начальник Управления пропаганды и агитации, руководствовались благой мыслью, хотя и с разными знаками. Первый подчеркивает силу немецкой армии, обращает внимание на то, что враг еще по-прежнему грозен, но при этом рисует гнетущую картину, будто бы не советские войска одержали победу на Курской дуге. Л. Славин же, напротив, принижает возможности немецкой армии, хотя руководствуется той же самой идеей консолидации тружеников тыла. Читатели реагировали на такие газетные материалы неоднозначно, некоторые из них сразу направляли сообщения в редакцию по поводу несуразностей в газетных публикациях.

**Выводы.** Советская пропаганда в своей работе проявляла в годы войны гибкость. В тыловых регионах не было необходимости вести контрпропаганду, т.к. у противника не было возможности проводить пропагандистскую работу среди населения. Отсутствие соперника в ведении пропаганды имело обратную сторону, население в трудных условиях существования критически относилось к официальным средствам массовой информации, особенно в сложный начальный период войны. Однако в целом грамотно выстроенная работа периодической печати оказывала на массовое сознание консолидирующее воздействие. Зверства, творимые захватчиками на оккупированных территориях, были умело использованы советской пропагандой. С учетом того, что это не было выдумкой и подтверждалось реальными фактами (фотографии в газетах) и сообщениями (письма фронтовиков), население было готово терпеть трудности, усилившиеся во время войны.

**Финансирование.** *Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 2014/13 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.*

© И.С. Тряхов, 2016

Article history:  
Received 22 February 2016  
Revised 25 July 2016  
Accepted 27 July 2016

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Горлов А.С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: дисс. канд. ист. наук. М., 2009.
- [2] Горлов А.С. Патриотическая пропаганда в годы Великой Отечественной войны // Германия и Россия в судьбе историка. Сборник статей, посвященный 90-летию Я.С. Драбокина. М., 2008.

- [3] Токарев И.А. Формирование и реализация партийно-государственной политики СССР в сфере идеологии, культуры и образования в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дисс. док. ист. наук. Саратов, 2007.
- [4] Вдовин А.И. Политика по укреплению национального единства СССР в отражении гитлеровской агрессии в 1941–1945 гг. // Мир и политика. 2010. № 11. С. 29–50.
- [5] Вдовин А.И. Национальные измерения победы в Великой Отечественной войне. Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2005. № 1. С. 34–56.
- [6] Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реалии. Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003. № 5. С. 24–54.
- [7] Никитина М.Э. Идеологемы врага и героя и их внедрение в массовое сознание в годы Великой Отечественной войны: на материалах Пензенской области: дисс. канд. ист. наук. Пенза, 2005.
- [8] Кринко Е.Ф. Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941–1945 годах // Российская история. 2010. № 5. С. 74–89.
- [9] Ehrenburg I. Kill. М., 1942.
- [10] Будницкий О.В. Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов // Российская история. 2012. № 6.
- [11] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007.
- [12] Ванников Б.Л. Записки наркома. М., 1988. С. 134–135.
- [13] Исаев А.В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М., 2008.
- [14] Земсков В.Н. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне: в поисках истины // Политическое просвещение. 2012. № 5. С. 87–100.
- [15] Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009.

## REFERENCES

- [1] Gorlov A.S. *Sovetskaia propaganda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: diss. kand. ist. nauk* [Soviet propaganda during the Great Patriotic War: PhD diss.]. Moscow, 2009.
- [2] Gorlov A.S. *Patrioticheskaia propaganda v gody Velikoi Otechestvennoi voin* [Patriotic propaganda during World War II]. *Germaniia i Rossiia v sud'be istorika. Sbornik statei, posviashchennyi 90-letiiu Ia. S. Drabkina* [Germany and Russia in the fate of the historian. Collection of papers dedicated to the 90th anniversary of J.S. Drabkin]. Moscow, 2008.
- [3] Tokarev I.A. *Formirovanie i realizatsiia partiino-gosudarstvennoi politiki SSSR v sfere ideologii, kul'tury i obrazovaniia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: diss. dok. ist. nauk* [Development and implementation of the Party and Soviet state policy in the sphere of ideology, culture and education in the Great Patriotic War of 1941–1945.: PhD Diss.]. Saratov, 2007.
- [4] Vdovin A.I. *Politika po ukrepleniiu natsional'nogo edinstva SSSR v otrazhenii giterovskoi agressii v 1941–1945 gg.* [Policy to strengthen the national unity of the USSR in the reflection of Hitler's aggression in 1941–1945. *Mir i politika – [World and Politics]*. 2010. № 11, pp. 29–50.

- [5] Vdovin A.I. Natsional'nye izmereniia pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine [National measurements of victory in the Great Patriotic War]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina – [Herald of Ryazan State University named after S.A. Esenin]*. 2005. № 1, pp. 34–56.
- [6] Vdovin A.I. Natsional'nyi vopros i natsional'naia politika v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: mify i realii [The national question and national policy in the USSR during the Great Patriotic War: Myths and Realities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriiia – [Bulletin of Moscow University. Series 8. History]*. 2003. № 5, pp. 24–54.
- [7] Nikitina M.E. *Ideologemy vruga i geroia i ikh vnedrenie v massovoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: na materialakh Penzenskoi oblasti: diss. kand. ist. nauk* [Ideologem enemy hero and their introduction into the mass consciousness in the Great Patriotic War: on materials of the Penza area: PhD diss.]. Penza, 2005.
- [8] Krinko E.F. Obrazy protivnika v massovom soznanii sovetskogo obshchestva v 1941–1945 godakh [Enemy images in the mass consciousness of Soviet society in 1941–1945]. *Rossiiskaia istoriia – [Russian history]*. 2010. № 5, 74–89.
- [9] Ehrenburg I. *Kill*. Moscow, 1942.
- [10] Budnickii O.V. Izobretaia Otechestvo: istoriia voiny s Napoleonom v sovetskoii propagande 1941–1945 godov [Inventing the Homeland: The Story of the war with Napoleon in the Soviet propaganda of 1941–1945]. *Rossiiskaia istoriia – [Russian history]*. 2012. № 6.
- [11] *Sovetskaia propaganda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: «kommunikatsiia ubezhdeniia» i mobilizatsionnye mekhanizmy* [Soviet propaganda during World War II: "Communication beliefs" and mobilization mechanisms]. Moscow, 2007.
- [12] Vannikov B.L. *Zapiski narkoma* [The notes of the People's Commissar]. Moscow, 1988, pp. 134–135.
- [13] Isaev A.V. *Antisuvorov. Desiat' mifov Vtoroi mirovoi* [Antisuvorov. Ten Myths of II World War]. Moscow, 2008.
- [14] Zemskov V.N. O mashtabakh liudskikh poter' SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: v poiskakh istiny [The scale of human losses of the USSR in the Great Patriotic War: in search of the truth] *Politicheskoe prosveshchenie – [Political education]*. 2012, no. 5, pp. 87–100.
- [15] Shtrait K. *«Oni nam ne tovarishchi...»: vermakht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg.* ["They are not comrades...": the Wehrmacht and Soviet prisoners of war in 1941–1945]. Moscow, 2009.

## PROPAGANDA IN PERIODICAL PRESS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (CASE STUDY OF VLADIMIR REGION)

I.S. Tryakhov<sup>23</sup>

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,  
Vladimir, Russia*

The article considers the characteristic of propaganda in the periodical press during World War II. The author pays attention to the disadvantages of propaganda and flexibility of the Soviet press influence during the hard war years. The author uses the examples of central and local newspapers to consider the drawbacks of propaganda. Besides, the sources of the research were the speech of L.Z. Mekhlis, the Chief of the Red Army propaganda (in Russian – “Glavpur”), the official letters of G.F. Aleksandrov, the chief of propaganda and agitation control to A.S. Shcherbakov, the reports of the Information Bureau, the letters addressed to Stalin to the editorial board of the central newspapers.

In the article there are used both general scientific and specific historical methods of the historical research. The latter include the historical-genetic method, implemented through identifying the sources and reasons for changes in the agitation and propaganda activities. This method enables us to compile facts and historical data and recreate the overall picture of the propaganda efforts. Besides, there was used the historical-comparative method, aimed at identifying various features and their comparison and contrasting.

The author has come to the conclusion that in 1941–1943 the periodical press made a lot of propaganda mistakes, however by the end of the war these mistakes were less evident. The attention is paid to the brightest examples of the political and military propaganda. In remote regions there was no need of counter-propaganda since the opponent had no opportunity to carry out propaganda activities among the population. In general, the efficiently organized work of periodicals made the consolidating impact on the mass consciousness.

**Key words:** the Great Patriotic War, propaganda, the Soviet Information Bureau, the mass consciousness

---

<sup>23</sup> *Corresponding author:* Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Department of Russian history; Gorkogo Str., 87, 600014, Vladimir, Russia; Tel.: +7 (4922) 33-86-32; E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru.